

Юрий Бегунов (Ленинград, СССР)

„ЖИТИЕ СТЕФАНА ДЕЧАНСКОГО“ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА В РОССИИ: ПОВЕСТВОВАНИЕ „В ЛИЦАХ“

Одно из замечательных произведений Григория Цамблака „Житие Стефана Дечанского“¹, созданное болгариним в Сербии и на материале сербской истории XIV в., имело богатую и интересную литературную судьбу в России².

В конце XV в. видный русский публицист Иосиф Волоцкий, основатель Волоколамского монастыря (1479) и его первый игумен, использовал в одном своем сочинении, посвященном защите монастырского землевладения от посягательств светских властителей, рассказы о чудесах Стефана Дечанского с Ивое челником и военачальником Юнцем³. Это было Послание к московскому боярину казначею Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину, написанное в конце 1510 или в начале 1511 г.⁴ Вероятно, основатель Волоцкой обители Иосиф пользовался тем же списком ЖСД, который находился в библиотеке Волоколамского монастыря, в котором имя челника Ивое отсутствовало, оно превратилось в „военачальника“, а в Послании Иосифа — в „князя“. Это был тот самый список, который написал инок-книгописец Ферапонт Обухов в составе сборника южнославянских святых Илариона Мегленского, Стефана Дечанского, Стефана Лазаревича (ныне хранится в ГБЛ, Вол. 655)⁵. В даль-

¹ Последнее научное издание по списку Панегирика 1479 г. Владислава Грамматика см.: Давидов, А., Г. Данчев, Н. Дончева-Панайотова, П. Ковачева, Т. Генчева. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. С., 1983, 64—137. Исследование Жития как художественного произведения см.: Маринковић, Р. О месту Григорија Цамблака у српској књижевности. — В: Търновска книжовна школа. Т. 1, 443—458; Данчев, Г. Традициите на Търновската книжовна школа. — В: Търновска книжовна школа. Т. 1, 459—468; Петровић, Д. Лик Стефана Дечанског у Житију и Служби од Григорија Цамблака. — В: Търновска книжовна школа. Т. 3, 66—73; Сване, Г. Житије Стефана Дечанског Григорија Цамблака. — В: Търновска книжовна школа. Т. 3, 74—101.

² Исследование истории текста русских редакций Жития Стефана Дечанского (в дальнейшем — ЖСД) могло бы быть предметом специальной книги.

³ Исследованы Е. П. Наумовым. См.: Наумов, Е. П. Из истории русско-сербских средневековых связей. (Второе Житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). — Учен. зап. И-та славяноведения, XXVI, М., 1963, 37—47.

⁴ Изд. текста см. в кн.: Послания Иосифа Волоцкого. Подг. текста А. А. Зимины и Я. С. Лурье. Статьи И. П. Еремина и Я. С. Лурье. М. — Л., 1959, 199—201.

⁵ Подробнее см.: Турилов, А. А. Памятники южнославянской книжности в составе русских библиотек конца XV—XVII вв. — СС, 1971, № 1, 67—82; Турилов, А. А. Русский сборник конца XV—начала XVI в., содержащий южнославянские сочинения XIV—XV вв. — В: Конференция по истории средневековой письменности и книги. (К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции). Тезисы докладов. Ереван, 1977, 95—96; Турилов, А. А. Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV—первой четверти XVI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1980, с. 16 сл.; Турилов, А. А. К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV—начала XVI в. — В: Руско-балкански културни врзки през Средновековието. С., 1982, 68—74; Турилов, А. А. Сцена убиения Стефана Де-

Ишем именно этот текст ЖСД послужил русским книжникам основным источником повествований о дечанском мученике в Русском Хронографе и в Никоновской тописи⁶. Если Хронограф создавался в стенах того же Иосифо-Волоколамского монастыря в 1516—1522 гг., то летописный свод, ставший основой Никоновской тописи, писали книжники московской митрополичьей канцелярии между 1526 и 1530 г.⁷ Составитель хронографических глав 197-й и 198-й, где речь шла о сербском короле Стефане III Уроше, восходил именно к ЖСД, а влияние младших сербских летописей XV в. на текст о Стефане Дечанском было минимальным: оно сказалось только в отдельных фразах, выражающих „нелицеприятное мнение об этом сербском короле“, „в появлении хронографической ориентации“, в погодной сетке событий⁸. П. Наумов справедливо замечает следующее: „Неизвестные сербские летописи, так же как и составитель Хронографа, считали более важным выразить свое негодование „немилосердным и бесчеловечным“ поступком Душана, короля-отцеубийцы (тому посвящено в летописи восемь строк), „нежели „расписывать“ деяния Душана (ему отведено лишь три строки). Этими мотивами можно объяснить стремление составителя Хронографа обстоятельно рассказать о страданиях Стефана Дечанского (см. в гл. 197—199), и по возможности обойти молчанием деятельность Милутина, слепившего своего сына (Стефана Дечанского). Располагая красочным и обильным материалом о жизни Стефана Дечанского, составитель Хронографа, вероятно, считал возможным более „свободно“ обращаться с краткими сообщениями об этом короле в сербских летописях. Поэтому, например, в Хронографе нет даты (1330 г.) Вельжудской битвы, нет упоминания о третьем сыне Стефана Дечанского—Симеоне и его потомках, которые, как известно, обойдены молчанием и в Константиновом родословии“⁹.

В России XVI в. интерес к ЖСД не ослабевает. Оно часто переписывается и перерабатывается. Так, например, в первой половине XVI в. появляется Минейшая редакция ЖСД, предназначенная для ВМЧ и включаемая в цикл посмертных чудес Николы Мирликийского¹⁰. Текстологам еще предстоит изучить многочисленные русские редакции ЖСД с учетом рукописной традиции, принимая во внимание и южнославянские списки, из которых важнейших два — сербский, Дечанский, второй четверти XV в., и болгарский, Рильский, 1479 г. Предварительное сопоставление чтений южнославянского текста по изданию Янка Шафарика и русских списков, проведенное А. А. Туриловым¹¹, показывает, что отличия русских списков от основного текста не столь значительны. Впрочем, детальная филологическая характеристика разночтений совершенно необходима, если мы хотим уяснить, каковы же были на деле приемы работы русского книжника с южнославянским оригиналом, т. е., иными словами,

чанского в Лицевом Житии Николы XVI в. и ее источник. — В: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий. М., 1983, 228—231. Уточнение датировки Волоколамского сборника № 655 началом XVI в. принадлежит Л. В. Тигановой.

⁶ Изд. текста см.: ПСРЛ, т. XXII. СПб., 1911, 403—408; ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, 196—201.

⁷ К л о с с, Б. М. Иосифов Волоколамский монастырь и летописание конца XV—середины XVI в. — В: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. М., 1974, 107—125; К л о с с, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. Источники Русского Хронографа изучались также А. Н. Поповым, А. А. Шахматовым, И. В. Ягичем, С. П. Розановым, О. В. Твороговым, Л. В. Гориной.

⁸ На у м о в, Е. П. Свидетельства сербских летописей в составе Русского Хронографа (К истории русско-сербских культурных связей XV в.). — СС, 1976, № 4, 44—56; На у м о в, Е. П. Сербские главы и разделы Русского Хронографа (итоги и задачи исследования сербских источников Хронографа 1512 г.). — В: Руско-балкански културни врзки през Средновековието, 102—122.

⁹ На у м о в, Е. П. Свидетельства сербских летописей в составе Русского Хронографа, 54—55.

¹⁰ Изд. текста см.: Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографической комиссией. I. ВМЧ, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Вып. II. Декабрь, дни 6—17. СПб., 1904, стлб. 645—660.

¹¹ Эти таблицы имеются в приложении к машинописному тексту диссертации А. А. Турилова. См. также: Турилов, А. А. Болгарские и сербские источники. . . , с. 20.

как именно южнославянский текст приспособился к славянской среде.

С текстом русской летописной редакции ЖСД, украшенной цветными миниатюрами, мы встречаемся в Лицевом летописном своде, содержащем подробное изложение событий всемирной и русской истории „от Адама“ до времени царя Ивана Васильевича, точнее до 1568 г. Над созданием Лицевого летописного свода трудилось свыше 40 писцов и миниатюристов. Рукописи дошедших до наших дней десяти томов содержат около 10 000 листов и 16 000 миниатюр¹². По уточненным данным Б. М. Клосса, „многотомный Лицевой летописный свод создавался на протяжении 1568—1576 гг. в Царском скриптории, находившемся в Александровой слободе при соборной церкви Покрова богородицы. Это была самая полная энциклопедия исторических знаний средневековой Руси“¹³. Основным источником текста Лицевого летописного свода был т. н. список Оболенского Никоновской летописи¹⁴. Интересующие нас так называемые „Остермановские“ тома Лицевого летописного свода, принадлежавшие до 1741 г. кабинет-министру Петра I графу Андрею Ивановичу Остерману¹⁵, по наблюдениям А. А. Амосова, датируются началом 70-х годов XVI в.¹⁶ Это два больших тома, форматом в большой александрийский лист, писанные каллиграфическим полууставом, переходящим в скоропись; I том содержит 802 листа, а II — 887. Летописный текст иллюстрирован почти на каждой странице цветным рисунком. Их насчитывается в I томе 1552, а во втором — 1585. В I томе, содержащем изложение событий русской истории с 1254 по 1378 гг., под 1324-м годом находится ЖСД с 31-й красочной миниатюрой. О составе текста и количестве миниатюр мы можем судить уже на основании издания текста Остермановского Лицевого летописного свода, опубликованного в 1774 г. И. Е. Глебовским¹⁷. Порядок листов в I Остер-

¹² О нем см.: Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965; Подобедова, О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х—70-х годов XVI в. М., 1972; Амосов, А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — В: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978, 6—36; Амосов, А. А. Лицевой свод и библиотека Ивана Грозного. — В: Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание. Составитель Н. Н. Зарубин. Подг. к печати, прим. и доп. А. А. Амосова. Под ред. С. О. Шмидта. Л., 1982, 98—117 (здесь и исчерпывающая библиография); Амосов, А. А. Из истории создания Лицевого летописного свода. (Организация работ по написанию рукописей). — В: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий, 212—227; Пентковский, А. М., А. П. Богданов. Сведения о бытовании Книги Царственной („Лицевого свода“) в XVII в. — В: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1983, 62—95.

¹³ Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.

¹⁴ Ркп. ЦГАДА, ф. 201 (собр. М. А. Оболенского), № 163.

¹⁵ Ркп. БАН СССР, 31. 7. 30, тт. 1 и 2. Поступили в БАН в 1743 г. после ареста А. И. Остермана. (См.: Мурзанова, М. Н., Е. И. Боброва, В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII в. М.—Л., 1956, с. 216). До смерти Петра I эта рукопись принадлежала монарху; по ее картинкам дьяк Никита Зотов обучал русской истории маленького Петра. Описание ркп. см.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. V—VI; Лихачев, Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Т. I. СПб., 1899, 313—314; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. I. Хронографы, летописи, степенные, родословные и разрядные книги. Изд. 2-е, доп. Сост. В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959, 357—358.

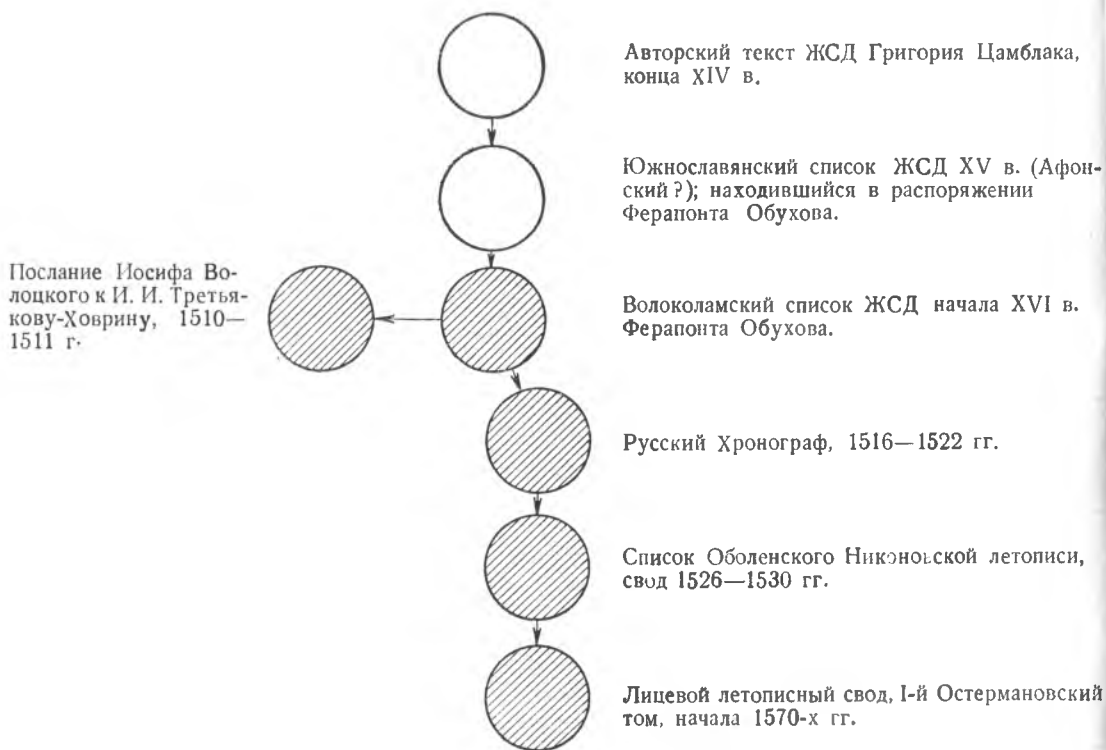
¹⁶ Амосов, А. А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного.

¹⁷ Древняго летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России при владении четырнадцати великих князей, сперва владимирских, потом московских, через сто двадцать пять лет, начиная с $\frac{6762}{1254}$ года до $\frac{6887}{1379}$, то есть от времен княжения великого князя

Александра Ярославича Невского, до победы великим князем Дмитрием Ивановичем, прозванным потом Донским, одержанной над татарами у реки Вожи в Рязанской земле, в годе выше сего, на последи упомянутом. Изданная по высочайшему повелению преславным сего 1774 года июля 10 дня заключенным с турками миром возвеличившаяся покровительницы защитницы мус. В СПб., при имп. Академии наук, 1774 года.

ей текста из ЖСД (нач.: „Н оттуду воставъ къ бранн на даше . . .“), располагающихся за л. 592; далее на л. 593 говорится об Иване Калите и его поездке в Орду, о засухе на Руси, о московском митрополите Петре, о Щелкановщине 1327 г., об освящении Успенского собора Московского Кремля ростовским епископом Прохором 4 августа 1327 г. и т. п. Утраченный текст может быть восстановлен с помощью текста Никоновской летописи по списку Оболенского¹⁹; в нем рассказывалось о битвах Стефана Уроша III с братом Константином, болгарским царем Михаилом²⁰. Продолжение повествования о Стефане Дечанском мы находим на лл. 637—649; здесь рассказывается о последних годах жизни короля, его мученической кончине, погребении и посмертном чуде с Юнцем.

Итак, литературная история на Руси летописной редакции ЖСД Григория Цамблака может быть графически выражена в виде следующей схемы:

Во внимании создателей Лицевого летописного свода к южнославянской истории некоторые исследователи усматривают нарочитость. Так Сретен Петкович²¹ и Ненад

¹⁸ Факт пропуска текста и миниатюр был отмечен О. И. Подобедовой. (См.: Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 328); ею же указана правильная последовательность в расположении листов — лл. 284—298 об., 321—328 об. (Там же, с. 328).

¹⁹ Пропущенный текст соответствует отрывку текста в Никоновской летописи. См.: ПСРЛ, т. XIII, 190—195.

²⁰ См. ПСРЛ, т. XIII.

²¹ Петковић, С. Иван Грозни и култ кнеза Лазара у Русији. — В: Зборник радова о кнезу Лазару. Крушевац, 1973, с. 315.

Лубинкович²² объясняют интерес к событиям сербской истории тем, что царь Иван Грозный был в родстве с сербскими деспотами Бранковичами через свою бабушку Анну Якшич, мать княгини Елены Васильевны Глинской; стало быть, рассуждали они, Иван Грозный являлся правнуком Стефана Якшича по матери (вторая половина XV в.). Однако указанный интерес зародился в России в первой трети XVI в., при Василии III и определялся не столько династическими связями отдельных монархов, которые имели место, сколько общей концепцией русской истории, разрабатываемой в то время русскими книжниками по заданию правительства. „Задачей составителя Хронографа, например, — замечает О. В. Творогов, — было создание исторической энциклопедии, при этом выходящей за узкие рамки историографической концепции „Израиль—Рим—Византия“ или ее модернизированной формы, уже чисто христианской „триады“ „Рим—Византия—Русь“²³. Идея „избранности“ Московского государства, ставшего, по воззрениям русских книжников, центром „божественного домостроительства“, всецело овладела тогда умами русских летописцев и авторов первых исторических компиляций. В соответствии с этой идеей, они стремятся показать исконность национального, религиозного и государственного единства Русской земли от прародителей наших, от Юрика до Ивана Грозного. Придуманная доморощенными средневековыми философами, „божественность“ единодержавной власти московских государей нуждалась в документальном подтверждении. Отсюда обилие ссылок и параллелей на ветхозаветную историю, истории римских и византийских императоров, а также сербских королей и болгарских царей. Эти ссылки в летописях должны были достойным образом доказать связь русской истории со всемирной, преемственность великих царств. Эти же идеи ярко проявились в росписях Золотой, Грановитой и Царицыной палат, в монументальном убранстве Архангельского собора и других Кремлевских храмов.

Впрочем, были и причины частного порядка, обусловившие интерес к христианско-дидактическому ЖСД в России, хотя это произведение и не ставило перед читателями глобальных идей и проблем, равновеликих проблемам и идеям Лицевого летописного свода. А. А. Турилов справедливо пишет следующее: „Житие, несомненно, было встречено в Московской Руси с живейшим интересом, столь созвучно оно было недавнему прошлому и настоящему в социально-политической жизни страны. Тема государя-мученика, ослепленного, но высшим заступничеством победившего в усобице, была особенно близка и понятна в правление Ивана III, когда еще жива была память о феодальной войне середины XV в. и трагической участи Василия Темного. Образ Стефана, каким он являлся перед нами со страниц Жития, — государя-инока, в миру непреклонного защитника православия и гонителя ереси Варлаама и Акиндина (вопреки историческим фактам, так как собор на них состоялся спустя десятилетие после смерти Стефана), щедрого дарителя и оберегателя монастырских имуществ, безусловно, был актуален в конце XV—начале XVI в., во время борьбы с ересью „жидовствующих“ и полемики по вопросам монастырского землевладения“²⁴. Не потерял он значения и в XVI в. История России „итогового века“ древнерусской истории была насыщена событиями ожесточенной внутриклассовой борьбы феодалов за власть и богатства, она была наполнена классовой борьбой народных масс и их представителей, вождей еретических движений вроде Феодосия Косого и Матвея Башкина. Лицевой летописный свод создавался как раз в то время, когда русское общество было потрясено массовыми казнями Ивана Грозного, порождавшими не просто страх и ужас перед карающей десницей власти, но и напоминавшими пред-

²² Лубинкович, Н. Косовска легенда у руском летописном своду из времена цара Ивана IV Грозног. — В: Студије и грађа за историју књижевности. Т. I. Београд, 1980, 5—22. Ср. также: Тихомиров, М. Н. Иван Грозный и Сербия. — В: Тихомиров, М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, 83—93.

²³ Творогов, О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 41.

²⁴ Турилов, А. А. Сцена убийства Стефана Дечанского в Лицевом житии Николы XVI в. и ее источник. — В: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник третий, с. 229.

ставителям удельной княжеской аристократии и боярству о непрочности бытия и бренности их жизни на земле. Таким образом, историческая обстановка XVI в. способствовала живучести среди образованной части русского общества „вечных“ тем и образов таких произведений, как ЖСД Григория Цамблака.

Тексту летописи обычно соответствовал изобразительный материал. Если текст ЖСД Лицевого летописного свода является русской редакцией сербского по происхождению текста Цамблаковского Жития, то миниатюры Лицевого летописного свода не восходили к сербской иконографии Стефана Дечанского. Типичным представителем последней является икона св. Стефана „с деяниями“, созданная в Дечанском монастыре изографом Лонгиным в 1577 г.²⁵ Скорее напротив, сербская книжная миниатюра и иконография испытывали в XVI в. влияние русского искусства²⁶. Житийная икона Стефана Дечанского имеет типологическое сходство с житийной иконой Александра Невского, созданной в Москве в начале XVII в.²⁷: источниками обеих были житийные тексты; средник иконы посвящался главному герою — на сербской иконе король Стефан изображен сидящим на троне, в короне, в пышном одеянии и при всех регалиях власти, но с крестом в правой руке, на русской иконе Александр Невский изображен как монах, схимник Алексий; поля икон расписаны клеймами из жизни героев, данных в условно-лаконичной манере книжной миниатюры и развивающих агиографическую легенду, но в сербской иконе их 17, а в русской — 32, в сербской иконе все клейма посвящены земным деяниям героя, а русской — только 11, остальные рассказывают о т. н. „посмертных чудесах“ князя Александра, среди последних есть и батальные сцены, кстати сказать, ими оканчиваются обе житийные иконы: сербская — Вельбуждской битвой, русская — битва на Молодях 1572 г. Главное, что их сближает — „литературность“ и „историзм“. Эти же черты — „литературность“ и „историзм“ — присущи русским миниатюрам Лицевого летописного свода. При сравнении 17-ти житийных клейм сербской иконы — 1) Симонида клеветает на Стефана, 2) Ослепление Стефана, 3) Явление св. Николая на Овчем поле, 4) Стефана и его сыновей отводят в заточение, 5) Встреча Стефана с византийским императором Андроником, 6) Совет изгнать еретиков, 7) Первое прозрение Стефана, 8) Король Милутин спрашивает игумена Пантократора монастыря о своем сыне, 9) Встреча Стефана с отцом, 10) Венчание Стефана на королевство архиепископом Никодимом, 11) Создание Дечанского монастыря, 12) Стефан дает убогим милостыню, 13) Св. Николай в третий раз является Стефану, 14) Стефан извещает Дечанского игумена о видении и дает ему золото, 15) Св. Николай предрекает Стефану скорую смерть, 16) Удушение Стефана, 17) Вельбуждская битва — с 31 миниатюрой Лицевого летописного свода ЖСД обнаруживается чисто тематическое сходство и некоторая общность принципов композиционных решений, но большие отличия в деталях и способах повествования „в лицах“. Русские миниатюры не были источниками клейм сербской иконы; и те, и другие, независимо одни от других, восходили к одному общему источнику: житийному тексту.

Сильной стороной русских книжных миниатюристов, создавших „в лицах“ легенду о дечанском мученике, является их умение лапидарно решать вопросы композиции, отвечающие задаче вести средствами живописи подробный и обстоятель-

²⁵ О ней см.: Петковић, В. Легенда светог Саве у старом живопису српском. — Глас СКА, CLIX, други разред 81. Београд, 1933, 60—76; Мирковић, Л. Црквене старине из Дечана, Пећи, Цетиња и Прасковице. — В: Годишњак Музеја Јужне Србије. Скопље, 1941, 101—106; Шако́та, М. Зограф Лонгин, сликар и књижевник XVI века. — В: Стара књижевност. Приредбо Ђорђе Трифуновић. Београд, 1965, 533—540; Павловић, Л. Култови лица код Срба и Македонаца. (Историјско-этнографска расправа). Смедерево, 1965, 106—107; Милошевић, Д. Срби светитељи у старом сликарству. — В: О Србљаку. Студије. Београд, 1970, 215—222.

²⁶ Петковић, С. Руски утицај на српско сликарство XVI и XVII века. — Старинар. Нова серија, књ. XII. Београд, 1961, 99—101.

²⁷ Бегунов, Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., 1966, 311—320; Бегунов, Ю. К. Древнее изображение Александра Невского. — Byzantinoslavica, XLII. Praha, 1981, № 1, 39—42, 3 табл.

ный рассказ о главном герое. Обращает на себя внимание многоплановость миниатюр и их симметричность, повторяемость, т. е. ритмичность самого рисунка, наиболее полным образом раскрывающего фабулу произведения. Главным средством миниатюристов оставался язык жестов и вторым, неразрывным с ним, — язык цвета. К цвету мастер прибегает как к средству усиления эмоционального звучания образа. Так шаг за шагом текст ЖСД Григория Цамблака наглядно воплощался в миниатюрах. При этом художник-миниатюрист старался неуклонно следовать за своим текстом — летописной редакцией ЖСД. В миниатюрах Лицевого летописного свода — а их 31 — мы находим последовательную и развернутую экспозицию легенды о короле-мученике, жертве женской злобы и коварства²⁸, ослепленного своим отцом и задушенного своим сыном.²⁹ „Жребий мученичества“ Стефана раскрывается в символических параллелях средствами книжной миниатюры.

Под 1324 г., на л. 290 (с. 575, далее нумерация дается по стр.) I Остермановского тома, после небольшого текста, писанного как заголовок киноварью „При семь ц(а)рствин Гречестемь Андроника Палеолога бысть ц(а)рь в Сервехъ Милутинь. Царство Сервьское“ следует основной текст ЖСД:

„С(ва)тын Симеонъ родн Стефана краля, н Стефанъ родн Стефана же, нже нареченъ быс(ть) Оурошъ во нма правдѣда своего, сен ес(ть) Храпавын краля. Сен родн Милутина краля, нже четвертын ѿ с(ва)т(а)го Симеона. Сеому вбладающоу сервы, раждаетъ оубо сен Стефана, велкаго бл(а)гоч(е)ст иа столпа н ц(а)рствиа вѣнецъ, н добродѣтелн сокровище. Н въ всѣмъ бл(а)гъ н пристоупенъ, н м(н)л(о)стивъ“. Далее приведена миниатюра № 1, изображающая свадебный пир во дворе: король Милутин: за столом, покрытым белой скатертью и уставленном яствами, сидит Милутин в зеленой одежде, он держит в левой руке чашу, а рядом с ним сидит его новая супруга Симонида в красном одеянии; рядом с королем — его бояре, рядом с королевой — ее свита; фоном изображаемого служит архитектура городских зданий; в левом верхнем углу — другая сцена, Милутин разговаривает с двумя людьми, что, вероятно, является иллюстрацией к тексту „н въ всѣмъ благъ н пристоупенъ, н милостивъ“. Под миниатюрой № 1, но уже на странице 576, читается следующая надпись: „Н по оум(е)рствин м(а)т(е)рн Стефановы, Милутинь краля прихващает са второмуу бракуу, оу греческаго ц(а)ря Андроника Палеолога д'щерь поять“.

На этой же странице — миниатюра № 2, состоящая из пяти малых сцен, иллюстрирующих следующий текст: „Н родн ѿ неа с(ы)на Константина. Ц(а)р(и)ца же, вндаши Стефана ѿ всѣхъ любима, ненавидаше его, но приходянтъ ко ѿцуу его, слезы испущаша н драхлымъ лицемъ, яко сп(а)сение его промышаша, н оклевета (с. 577) етъ праведнаго, яко к нен рачителнъ прилежаща, н на ѿца его недобраа мысанти“. В нижней части миниатюры, слева направо, в трех сценах изображены роды Симониды и принесение кормилицею спеленутого младенца к отцу; в правом верхнем углу изображен Стефан в короне с нимбом, в красном плаще,

²⁸ „Преводолье жен'скаа лѣсть, повѣдн се царева премоудрость жен'скимъ вхыщреніемъ, подклонн се втчаа твердость жен'ской слабости, оугасн се роднтелнаа теплота жены вестордїемъ“, — говорится в Житии. — Къть бываеть праведнын неправедно, незловнын — наветымъ лютымъ, млостивый — немлостивено н, в безмвстїа, вчюу аншлет се!“ (ЖСД, с. 70).

²⁹ „Того Звечанъ градъ снче наричемъ пославъ, но днхъхъ нѣкынхъ оудавленїа горчаншой сьмьртн осуждаеть. Ѿ неправеднаго осужденїа! ѿ немлостиваго втвещанїа! Како не помнїако греческаго ц(а)ря како не вшелон роднтелноу старость? Како не оустыдѣ се сьдннь? Како не

другъ иже въ алаисефаки . Андрей
 иже славилъ оубо гдѣ съ милоушии оубо .
 похвалоу оубо гдѣ съ милоушии оубо .
 ѡбъспедниши едръ жни теде шъ . доклениже
 шепдши се оубо гдѣ съ милоушии оубо .
 стани прна въ жа . и сѣмъ ѡбъспедниши оубо
 быша . и слопомъ и дѣломъ . и житиемо
 лоуцрѣи слоуцрѣи . и патриархоу . и
 и сѣмъ прна въ жа оубо гдѣ съ милоушии оубо .
 и дѣломъ и слоуцрѣи . и патриархоу . и
 и сѣмъ прна въ жа оубо гдѣ съ милоушии оубо .

Рис. 2. Церковный собор в Константинополе на еретиков — варлаамитов. Ркп. БАН
 СССР, 31. 7. 30₁, с. 579.

испод — зеленый, разговаривающий с двумя людьми; в левом нижнем углу изображена Симонида, пришедшая к Милутину с жалобой на Стефана.

Миниатюра № 3 на странице 577 соответствует следующему тексту: „Князи же совѣтовахоу Стефану, собравъ вон, оуклонити сѧ во иноу страну и избыти

тоже премъ патріархъ афонасіе дншны
 соборъ состапи на нѣкоего царя . а
 стиди сеи дереси на лавица . иже архіе
 шаво глади . и македоніеца . и вачне
 превраженіе глашнѣрнандѣнскыи
 или согноулоши веполодесе . патріархъ
 сосеи мѣток сромъ . царя аверитица
 шѣрскыи шлоути . и соединю мѣбавники
 его прокладшии предаша . он же не пре
 стѣпиша и шозмоуца шцрїсть и мнш
 ги прелестн .

Рис. 3. Беседа Стефана с византийским императором Андроником об искоренении ереси варлаамитов. Ркп БАН СССР, 31. 7. 30₁, с. 580.

сшнваемыа лстн онъ же не восхотѣ, но на б(о)га всю надежю возложн. Что же по снх? Ш безмѣстїа! Преможе женская лстѣ и оугасн роднтелнню (с 578) любовь: ять вываеѣтъ праведный и очно лншаеѣт са. Бѣ же тоу ц(е)рковь с(ва)т(а)го

аже соудити другогу и шкити свьнеда
 лчешюга . и вьматистыи докрооста
 пны одры и постилди . поделжани
 и вьматистыи докрооста . и вьматистыи
 докрооста . и вьматистыи докрооста .
 и вьматистыи докрооста . и вьматистыи
 докрооста . и вьматистыи докрооста .

Рис. 4. Основание Дечанского монастыря королем Стефаном и раздача подарков монахам. Ркп. БАН СССР, 31. 7. 30₁, с. 638.

чудотворца Николы. Лежашоу оубо праведномуу и сѣло болѣзноюущюу, и мало въз-
 дремав' са, явн са емоу с(в)атын Николас, и рече емоу: „Не скорѣн, Стефане! Се
 очн твои на мою дланию, и показаваше емоу“.

Миниатюра эта состоит из четырех сцен: в первой, в правом верхнем углу, Симонида продолжает оговаривать Стефана перед Милутином, во второй, в левом верхнем углу, бояре советуют Стефану уехать, в третьей, в левом нижнем углу, изображается расправа со Стефаном: трое держат его стоящим, а четвертый выкалывает ему глаза, в четвертой, в правом нижнем углу, спящему Стефану является святой Николай и показывает ему очи на своей ладони. Фоном действия в трех сценах служат городские постройки, в четвертой фоном является одноглавая церковь св. Николая на Овчем поле. И так далее, всего 31 миниатюра.

* * *

С повествованием „в лицах“ на тему о дечанском мученике короле Стефане мы встречаемся вновь в роскошном фолианте — дестевом сборнике, содержащем „Житие и чудеса Николая Мирликийского“³⁰. Рукопись была переписана тремя писцами в первой половине 70-х годов XVI в. в Александровой слободе, бывшей столице Ивана Грозного во время опричнины. Это были книжники, которые работали над перепиской и художественным оформлением Лицевого летописного свода. Текст интересующего нас „Чюда новъшнего нже во сватыхъ ѿца нашего Николы Чюдотворца во Стефанъ, царь сербьскомъ, како емюу дарова ечи на длани“ находится среди позднейших чудес Николая Мирликийского на лл. 212об.—235 и сопровождается 35-ю красочными миниатюрами из общего числа 436 миниатюр сборника. Ближайший источник этого текста — подобное же сказание из одной рукописи Царского скриптория, ныне ркп. ГИМ, из Епархиального собрания, № 463, XVI в., без миниатюр, лл. 637—657, которая, в свою очередь, восходит к апрельско-майской книге ВМЧ митрополита Макария³¹. Источниками интересующих нас миниатюр не была сербская иконография Стефана Дечанского, ни светские южнославянские миниатюры XIV—XV вв. „Сопоставление миниатюр с клеймами житийной иконы Стефана Дечанского монастыря, созданной около 1580 г. икографом Лонгином, — справедливо пишет А. А. Турилов, — лишь подтверждает это. Количество клейм иконы (17) вдвое меньше числа миниатюр (35), по своему содержанию они соответствуют тексту пространного Жития Стефана (например, во втором клейме справа на крупе коня Стефана изображены две детские фигурки — сыновья, едущие с ним в Константинополь). Русская иконография Стефана Дечанского (с короткой окладистой бородой, в зубчатой короне) не имеет ничего общего с сербской традицией изображения краля, идущей от фрески в Дечанах, написанной в течение 20 лет после его смерти (клинообразная, раздвоенная на конце борода, венец в виде усеченного конуса раструбом кверху). Интересно сопоставить также изображение „задужбины“ Стефана — Дечанской церкви — на миниатюре (л. 233об.) и на иконе 3-е клеймо снизу в левом ряду. В первом случае эта церковь с луковичной главой и с

³⁰ Ркп. ГБЛ, собр. Т. Ф. Большакова, № 15, 1^о, на 255 лл. Изд. текста и миниатюр см. в кн.: Житие Николая Чудотворца. ОЛДП, XXVIII—XLI. Издано по рукописи XVI века, принадлежащей Московскому Публичному и Румянцевскому музею (folio № 15). СПб., 1878—1882, лл. 212об.—235. Большаковской рукописи посвящен ряд исследований. См.: Щепкин, Е. Н. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры. — В: Труды XI Археологического съезда в Киеве, Т. II. М., 1902, 206—207; Георгиевский, Г. П., М. Владимиров (М. В. Алпатов). Древнерусская миниатюра. М., 1933, 24—25; Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей, с. 144; Подобедова, О. И. Московская школа живописи при Иване IV, 85—87; Клоос, Б. М. Царская книгописная мастерская времени Ивана Грозного. — В: Конференция по истории средневековой письменности и книги, 39—40; Клоос, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков, 219—220, 239—240, 251; Неволлин, Ю. А. Три лицевые рукописи XVI в., оформленные кремлевским мастером-знатоком и интерпретатором западноевропейской гравюры. — В: Конференция по истории средневековой письменности и книги, 67—68; Амосов, А. А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного, 102—104; Турилов, А. А. Сцена убийства Стефана Дечанского в Лицевом Житии Николая XVI в. и ее источник, 228—231.

восьмикатным пощипцовым покрытием, во втором — достаточно реалистически изображенный храм рашской школы³². Источник русских миниатюр только один: текст сокращенной русской минейной редакции ЖСД Григория Цамблака. В 35 миниатюрах мы наблюдаем последовательную и развернутую художественную экспозицию легенды о дечанском мученике, жертвы женского лукавства и коварства, отцовского злодейства и сыновнего предательства. При этом главное внимание уделяется эмоциональному восприятию зрителем поступков короля-подвижника; в последнем чувства любви и сердечности к людям и веры в добродетель превалируют над всеми остальными чувствами³³. Не станем здесь подробно описывать каждую из 35 миниатюр сказания о чуде Николая Мирликийского с королем Стефаном. Тематическое подобие миниатюр данного сказания миниатюрам ЖСД Лицевого летописного свода очевидно.

При сравнении данных миниатюр с миниатюрами ЖСД Лицевого летописного свода бросается в глаза сходство стилистической манеры, совпадения в композиции малых сцен миниатюр, в подаче образов и обрисовке деталей. Любопытно, что, если в Лицевом летописном своде миниатюра следует раньше поясняющего ее текста, то в сказании Жития Николая Мирликийского этот недостаток устранен, и пояснительный текст всегда предшествует миниатюре, что облегчает ее восприятие читателями. Если художники-миниатюристы Лицевого летописного свода строили композицию миниатюры всегда по диагонали или двум пересекающимся диагоналям, разделяя малые сцены при помощи изображения архитектуры городских построек или гор, то мастера, трудившиеся над Житием Николая Мирликийского, старались давать в миниатюре одну главную сцену, при минимуме малых сцен. К числу особенных принадлежит сцена ослепления Стефана (л. 214об.), которая, как отметил Б. М. Клосс³⁴, напоминает сцену ослепления князя Васильяка Тербовьского из Радзивилловской летописи начала XV в., данную под 1096 г.³⁵: злодеи, повергнув Стефана наземь, положили на него большую доску, сами вдвоем уселись на ней, другие же два злодея тем временем держат плечи и голову страдальца и ослепляют его. Чудо с возвращением очей на длани св. Николаем дано на отдельной миниатюре (л. 216) гораздо более выразительно и детализировано, чем в ЖСД Лицевого летописного свода, но без дополнительных малых сцен. Миниатюры Жития Николая Мирликийского выглядят богаче оформленными, с большим количеством дополнительных деталей (например, с кораблем, плывущим по морю — на лл. 220, 221, 221об.), в движениях фигур угадывается больше экспрессии (см. лл. 222, 228, 228об.), заметна многофигурность композиций, обращает на себя внимание к „полатному письму“: архитектура городских построек выписана с деталями. В целом, книжникам, переписывавшим Житие Николая Мирликийского, удалось более приблизиться к решению задачи „введения действия в интерьер“, чем миниатюристам Лицевого летописного свода. В иных случаях у первых заметно свое толкование текста ЖСД. Так, в сцене удушения Стефана указан виновник преступления — сын Стефана Душан; именно он лично ослепляет отца, а бояре только держат жертву. Добиваясь законченности агиографической легенды, автор сказания и мастера миниатюр Жития Николая Мирликийского исключают посмертные чудеса Стефана Дечанского, в то время как в ЖСД Лицевого летописного свода сюжет наказания военачальника Юнца наличествует. Творческая работа русских книжников и миниатюристов в работе над изобразительным воплощением и интерпретацией ЖСД Григория Цамблака в целом весьма любопытна и заслуживает быть отмеченной.

* * *

³² Турпилов, А. А. Сцена убийства Стефана Дечанского. . . , с. 230.

³³ Трифуновић, Ђ. Эмоционални механизам Цамблакових личности. — В: Стари књижевност. Приредио Ђ. Трифуновић. Београд, 1972, 458—465.

³⁴ Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков, с. 251.

³⁵ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. ОЛДП, СХVIII. СПб., 1902, ч. I.